

МРИНА ТОКМАКОВА

МОДА
АЧУЛІ
НІНЕ
ВИНОВАТЬ!

Annotation

Будущие первоклассники Аля и ее друг Антошка отправляются в учебник математики, чтобы вернуть солдатика-пехотинца, похищенного из условия задачи. Если ребята не наведут порядок в задаче - всему первому классу "Б" грозят неприятности: власть возьмут гуси-двойки и будут пастись в их тетрадях. Неужели это Нуль аннулировал пехотинца? Или злой Минус отнял его?

- [Токмакова Ирина](#)

○

Токмакова Ирина

Может, ноль не виноват

1

Погода испортилась. Дождь моросил по-осеннему, астры на балконе сникли, из окна пахло не свежестью, как бывало при летнем дожде, а сыростью.

Настроение у Али тоже испортилось. До первого сентября оставалось еще целых два дня. Уже все готово к школе. Школьная форма висит на специальной детской вешалке, гладиолусы купили и поставили в воду с аспирином — чтоб не завяли. А тут еще два дня. И дождь, и мамы дома нет, и Антошка пока не вернулся с дачи. Ну, разве не тоска!

Аля протянула руку, взяла из стопки новеньких учебников тот, что лежал сверху. Оказалось — «Математика».

Да... Как оно будет с этой математикой? Буквы Аля знала, можно сказать, по именам. А вот цифры — другое дело. Во-первых, их трудно писать. А во-вторых, просто напишешь — не отделаешься. Считать надо! Прибавлять, отнимать...

Аля раскрыла учебник — так, наугад, где сам раскрылся. Прочла: «У Антоши на столе было девять солдатиков. Один барабанщик, остальные пехотинцы. Сколько было пехотинцев?»

«У какого это Антоши?» — подумала Аля.

Ах да, так вот же он нарисован на картинке. Аля пригляделась и даже окликнула от удивления. В учебнике математики на семьдесят седьмой странице была нарисована Антошкина комната, все, как на самом деле есть, — и диван такой же, как у Антошки, и аквариум с красными меченосцами, и старая с книгами этажерка, ну, словом, все-все. И сам Антошко был тут же. Он ползал под столом на четвереньках. Аля его окликнула. Антошка обернулся. Никакого сомнения, это был ее приятель Антон Водовозов, с которым они договорились сесть в классе рядом, даже если кому-нибудь и придет в голову дразниться.

— Как ты туда попал, Антошка? — воскликнула Аля. — Ты что, заколдованный?

— Иди, помоги искать солдатика, — своим обычным голосом сказал

нарисованный Антошкой, точно ничего странного не происходило.

— Как же я к тебе попаду, когда ты нарисованный, или заколдованный, или вообще, может, я тебя во сне вижу?

— Ладно тебе. Какое там во сне! Ты идешь или нет?

— Хо-ро-шо, — очень неуверенно сказала Аля. — Только как?

— Очень даже просто, — ответил вместо Антоши чей-то писклявый голосок. — Через мостик.

Рядом с Антошкой оказалась Единица ростом с самого Антона. Она помахала Але рукой, поклонилась и вдруг... вдруг перекинулась мостиком прямо к Але, и Аля сама не заметила, как перебежала по этому мостику и оказалась рядом с приятелем.

И сразу же не стало ни номеров, ни условий задач, не было никакой семьдесят седьмой страницы, а просто Антоша в своей комнате, а рядом Аля, а рядом... В том-то вот и дело, что рядом стояла Единица. Худенькая, с длинной шеей и маленькой головой, забавная, живая.

— Вот видишь, это совсем нетрудно, — сказала она.

— Что? — спросила Аля.

— Оказаться в математике, — пояснила Единица.

Антошка встал с колен и озабоченно посмотрел на Алю.

— Понимаешь, — сказал он, — потерялся пехотинец. А это очень плохо.

— Антош, жалко, конечно, что потерялся. Но он ведь солдат, он мужественный. С ним ничего плохого не случится. Ты не тревожься.

— Во-первых, плохой я командир, если о солдатах тревожиться не буду, — сказал Антон. — Мало ли в какую беду он может попасть.

— А во-вторых, — подхватила Единица, — условие задачи без этого солдата нарушается. Без него нельзя решить задачу. Ответ не сойдется. Вот какой это важный солдатик. Уж вы мне поверьте, я в математике четыреста лет служу.

— Ого! — изумилась Аля.

— Да, да, да! — опять сказала Единица. — Солдатика надо найти, иначе рухнет эта задача, очень важная задача на вычитание, а за нею следом — и другие, да-да-да, математика — наука стройная, и в учебнике все-все должно быть всегда там, где положено.

— Как это? — спросила Аля.

— Да так. Все цифры — на местах, все знаки — на местах. Все условия задач — каждое на своем месте. Порядок в учебнике должен быть, строгий порядок.

— А при чем же тут солдатик? — уже немного робея перед Единицей,

спросила Аля.

— Очень даже при чем. В задаче что сказано? Было девять солдатиков. Так?

— Ну да, — согласилась Аля.

— Значит, и должно на столе стоять девять. А тут сколько?

— Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь. Восемь, сказала Аля.

— Вот видишь, — произнесла Единица с укором, точно Аля спрятала недостающего солдатика у себя в кармане.

Аля даже машинально сунула руку в карман. В кармане лежала пуговица.

— Солдатика необходимо отыскать. Потому что, когда в математике начинается беспорядок, тогда над людьми берут верх двойки. Объединяются в стаи и берут верх, — втолковывала им Единица.

Але, может, все это и показалось бы вздором, да вдруг в комнате распахнулось окно и в него влетело несколько странных красных гусей, которые закружились по комнате, не то с гоготом, не то с хохотом.

Аля пригляделась к гусям и вдруг обнаружила, что это не гуси вовсе, а цифры два, то есть самые настоящие двойки. Влетев в комнату и немного погоготав, «гуси» вылетели вон, а окно само собой захлопнулось.

— Вот видишь, — наставительно сказала Единица.

Антошка окончательно вылез из-под стола и встал с коленок.

— Нет, — сказал он, — нигде нет солдатика. Прямо не знаю, что делать.

— В таком положении дело оставаться не может, — сказала Единица. Как хотите, а необходимо отправиться на поиски. Ты не слышал, солдатик упал на пол или нет?

— Он бы звякнул, — сказал Антошка. — Он же металлический, а не какой-нибудь пластмассовый.

— Значит, кто-то просто незаметно унес его.

— Антош, может, это сделал Кляксич? — спросила Аля, вспомнив свои недавние приключения в Букваре.

Она подробно описала их Антоше в своих письмах.

— Вряд ли.

Это сказал не Антон, это произнесла Единица.

— Он все больше по тетрадкам норовит бегать, — продолжала она. Помарку и Описку подзуживает людям разные каверзы строить. В Математику ему не так-то легко пробраться.

— Ты-то что думаешь, Антон? — спросила Аля.

— Не знаю, Аль, — честно признался Антон. — Просто совсем ничего не понимаю.

— Я знаю одно, — сказала Единица. — Надо идти искать пехотинца и найти его во что бы то ни стало. Это наш долг перед учениками первого класса «Б» и перед наукой — математикой, — добавила она торжественно. Пошли.

2

Единица распахнула дверь из Антошкиной комнаты, но за дверью оказался вовсе не коридор его квартиры, где все еще продолжал жить друг детства трехколесный велосипед и были сделаны до самого потолка книжные полки. Нет. Дверь, открывшись со скрипом, выпустила всех троих на веселую, залитую солнцем лужайку. Дождя не было. И вообще было лето.

— А может быть... Может быть... — произнесла Единица задумчиво. Да-да-да. Вполне может быть. Он ведь любит аннулировать...

— Кто? — спросил Антон.

— Ноль, — сказала Единица. — Характер у него, знаете, такой, как бы это сказать... неопределенный...

— У Ноля? Характер? — изумился Антон.

— Очень даже просто. Характер, — подтвердила Единица. — Уж очень любит аннулировать.

— И это он... аннулировал пехотинца? — почему-то шепотом спросила Аля.

— Могло быть. Ох, могло быть! — сказала Единица. — Сейчас спросим, может, кто-нибудь из моих сестер что-нибудь заметил.

И Единица, поставив ладони рупором, закричала:

— Сестрички-единички, где вы?

Издали, все приближаясь и приближаясь, послышалась песенка:

Мы не сойки, не синицы,

Мы сестрицы-единицы.

Тот, кто любит устный счет,

Знает нас наперечет.

В сад строем вошли похожие на свою сестру единицы. Они обошли сад, построившись в линеечку, в затылок одна другой, а потом стали перед Алей и Антоном без конца перестраиваться. При этом они все время пели свою песенку:

Посчитай и посмотри
Хорошенько
Раз, два, три.
Три у клевера листка,
Три у дыма завитка,
Три зубца у старой вилки,
«Три» — в тетрадке у Данилки,
Он урок недоучил,
Вот и тройку получил!
И тут, перестроившись по четыре, они запели опять:
Ты взгляни на мир пошире,
Будет — раз, два, три, четыре,
У стола четыре ножки,
Ну, а сколько лап у кошки?
Столько ж, сколько у кота,
Все четыре — мягкота.
И снова перестроились — уже по пять, но петь не переставали ни на минуту:

Раз, два, три, четыре, пять,
Будем пальчики считать,
Если пять стоит в тетрадке,
Это значит — все в порядке.

— Погодите-ка, сестрички, — перебила их Единица. — У меня к вам серьезное дело.

Сестры встали перед Единицей, выстроились в линеечку, точно их написал в тетрадке очень старательный ученик.

— Слушаем, — сказали они хором.

— Сестрички! — торжественно начала Единица. — Случилась прискорбная история. Испорчено условие задачи, потому что из условия похищен солдатик. Моим друзьям, — она кивнула в сторону Али и Антона, — и всему первому классу «Б» грозят неприятности. Вы можете себе представить, какую власть возьмут двойки, если в задачах не будет порядка?

— Можем! — хором отозвались единицы.

— Как вы думаете, кто в этом виноват?

Тут поднялся невообразимый галдеж, потому что все сестрицы-единицы заговорили разом.

— Погодите, говорите по одной, так ничего нельзя понять. Вот ты, сестричка, что думаешь?

— Условие задачи испорчено? — спросила Единичка, к которой был обращен вопрос.

— Конечно.

— Значит, его все равно что нет?

— Вот именно.

— Тогда оно, может быть, аннулировано? — подсказала Единичка. — Вот и подумайте.

Остальные опять разом загалдели.

— Кто-нибудь что-нибудь видел?

— Я видела, — сказала тоненьким голоском самая маленькая Единичка, как Нуль промчался сегодня в своей нулевой машине. Знаешь, где у него и колеса и руль — все такие на него самого похожие.

— Ну и что?

— По-моему, там кто-то сидел на заднем сиденье.

— Это еще ничего не значит, — возразила Единица.

— Да, но там сидел кто-то не просто. Там был кто-то очень грустный.

— Это меняет дело, — заметила Единица. — Куда он поехал?

— Он свернул на дорогу, которая ведет к Тришке.

— Ясно, сестрички. Ну, идите по своим делам, спасибо.

Единицы так же, как и пришли, удалились строем. Аля и Антон растерянно глядели на Единицу.

— Да, дела не так просты, как кажутся, — сказала она. — Слушайте меня внимательно. У меня перед началом учебного года очень много дел. Я провожу вас до дороги, которая ведет к Тришке, а там вы идите сами. Тришка — это цифра три, ее зовут Тройка, а Тришка — это ее прозвище. Пойдите спросите, может, Тришка знает поточнее, Ноль или не Ноль унес солдатика.

Аля и Антон послушно пошли за Единицей, вышли из сада через калитку, оказались на дороге, обсаженной высокими (видно, очень старыми) кустами акаций. Тут Единица сними попрощалась. Она еще долго стояла у калитки, приветливо и ободряюще махала им вслед. Наконец дорога вильнула в сторону, и Единица скрылась из виду.

— Антош, куда это мы с тобой идем? — тревожно спросила Аля.

— К Тришке идем, ты же слыхала; что из этого всего будет, я и сам не знаю. Но не отступать же? Вдруг да этот Тришка нам поможет? Ноль-то

все-таки к нему, говорят, сегодня ездил. Надо же нам найти солдатика и вернуть его в задачу.

— А может, эту задачу и вообще никому никогда не зададут? смалодушничала Аля.

— Зададут не зададут, это не важно, — возразил Антон. — Важно навести в задачках порядок. Иначе двоек не оберемся.

— Мы с тобой? — спросила Аля.

— Ну, а если и не мы с тобой? Ты хочешь, чтобы другие ребята двоечниками были, так, что ли?

Нет, Аля вовсе этого не хотела.

— Тогда не трусь и иди не как утиная бабушка, — сказал Антон.

Аля обиделась на «утиную бабушку», но пошла бодрее.

«Интересно! — думала Аля. — Когда смотришь на учебники, то они с виду такие скучные. А как туда попадешь, так в них, оказывается, все живые, и такая идет своя, занятная жизнь. Обязательно надо будет про это рассказать ребятам в классе».

— Ой, Аль, погляди, дерутся там, что ли?

Аля, погруженная в свои мысли, и не заметила, как дорога кончилась и подвела их к дому, сложенному из красного кирпича. Дом был узенький, но высокий, трех-этажный, крыша у него была странная, она состояла из двух покатых арок, точно цифра три, но только уложенная «носом вниз».

На лужайке перед домом шла, по-видимому, свара. Какой-то толстенький и сутулый человечек отчаянно ругался с другим. Причем тот, другой, что-то вытирал из рук у толстенького.

— Вечно тебе надо отнимать! — кричал толстенький. — Не отдашь, да и все.

Аля и Антон сначала было испугались, но, поняв, что двое ссорящихся не обращают на них решительно никакого внимания, осмелели и подошли поближе. К их удивлению, в руках у толстенького, который явно напоминал цифру «три» и был упомянутым Тришкой, трепыхался кролик.

— Тришка, у тебя три кролика. Отдай одного мне. Он мне очень нужен. У тебя останется два, это все равно больше, чем один. Отдай! — кричал отнимавший.

— Тебе бы только отнимать, паршивый Минус! Все отнять, да отнять, да отнять! Поработай с мое, не одного, а десять кроликов купишь себе на базаре!

— Жадюга! Кролика соседу пожалел! — вопил Минус, дергая бедного кролика за лапу.

Видно было, что толстый Тришка устал, запыхался и вот-вот уступит

кролика, но тут Минус увидел Алю и Антона и так удивился, что отпустил кроличью лапу. Тришка мгновенно этим воспользовался и с неожиданным проворством убежал и скрылся в доме с кроликом.

— Ладно, — махнул ему вслед Минул. — Все равно в следующий раз отниму. А что у вас? — обратился он к Але и Антону.

— Ничего у нас нет. Мы ищем пехотинца из задачи, — сказал Антон. — Он пропал.

— Я не отнимал, — тут же сказал Минус. — Это не моих рук дело. Нет, нет.

— А вы не скажете нам... — начала было Аля, но Минус уже торопливо удалялся.

— Не моих рук дело! — крикнул он им, оборачиваясь. — Спросите у Тришки. Он от жадности что хочешь себе возьмет. Может, и пехотинца прикарманил.

Антон постучал в запертую дверь. Из-за двери послышалось пыхтенье, но никто не ответил.

— Откройте нам, пожалуйста, — сказала Аля.

Дверь открылась на щелочку, и в щелочку шепотом спросили:

— Ушел? Минус ушел?

— Ушел, — сказал Антон.

Тогда дверь открылась пошире, и на крыльце вышел Тришка.

— Это невозможная жизнь, — пожаловался он. — Только и знает — отнять! Забрать. Чтоб у тебя стало обязательно меньше, чем было. Чума, а не сосед. Совсем от рук отбился.

В дверь прошмыгнули три кролика и стали бегать кругами по лужайке.

— Побегайте, голубчики, пока этот разбойник не вернулся. Ну, так зачем я вам понадобился?

Антон и Аля рассказали Тришке, что случилось.

— Ноль? Проезжал он действительно, только мимо. Нет, я про солдатика ничего не знаю. Вы думаете, Ноль взял? Что вы, это же честнейшее существо в Математике.

— Что же нам теперь делать? — спросила Аля.

— Никаких сомнений — искать, найти, водворить на место. Единица правильно вам сказала, как только начнется беспорядок, так посыплются двойки. Они удивительно быстро плодятся. Прямо как комары! — сокрушенno покачал головой Тришка.

— Ну, а где же нам искать солдатика? Мы ведь нездешние, ничего тут не знаем, — вздохнул Антон.

— Ума не приложу. Ну, сходите, что ли, к Дыдве. Может, она что

слыхала, — посоветовал Тришка.

— А кто это? — спросил Антон.

— Это Четверка, ну, знаете, цифра четыре, — пояснил Тришка.

— Почему же ее так странно зовут?

— Дыдва? Да мы-то уж привыкли. Это длинная история. А если коротко, то ведь дважды два — четыре?

— Четыре, — подтвердили Аля и Антоша.

— Ну вот. Дваждыдва. Минус такому длинному прозвищу позавидовал и попытался отнять. Но оно порвалось. «Дваж» осталось у Минуса, а «Дыдва» у Четверки. Но «дваж» ему оказались совершенно ни к чему, он его потом вернул, да оно как-то обратно не пристало. Вот так и осталось — Дыдва.

— А где живет эта Дыдва?

— За четырьмя мосточками, за четырьмя кочками, за четырьмя низинками, за четырьмя осинками, а там — уж рядышком.

«Странный адрес», — подумала Аля.

— Аль, пошли, — взял ее за руку Антон.

Тришка не обратил на их уход никакого внимания. Он загонял домой кроликов. Кроликов по-прежнему было три, и это обстоятельство, по-видимому, его очень радовало.

Прямо сразу за Тришкиным домом протекал ручеек. На берегу ручейка под кустом красной смородины лежала одна из сестричек-единичек и читала книжку. Как только она увидела Алю и Антона, она быстро отложила книжку и со словами «Прибавить единичку» перекинулась мосточком через ручей. Они остановились в недоумении, поглядели на мостик. Это была хорошо обструганная дощечка. Аля и Антон перешли по ней. А как только перешли дощечка тут же превратилась обратно в сестричку-единичку и как ни в чем не бывало улеглась с книжкой под смородиновым кустом.

А за первым ручьем, как и сказал Тришка, был второй, а за вторым третий, а за третьим — четвертый. И каждый раз очередная единичка превращалась в мостик и переводила их на другой бережок. Только кусты были разные — то красная смородина, то черная, а то и вовсе крыжовник.

Но за четвертым ручьем дорога обрывалась и начиналось болото. Вот тут единички очень бы пригодились, да ни одной не было видно. Болото

было топкое, идти по нему было страшно. Вдруг Антон, приглядевшись, заметил, что над болотом возвышается одна за другой четыре болотные кочки. И даже было такое впечатление, что они находятся на равном расстоянии друг от друга. Точно кто-то их так расположил нарочно. По кочкам болото можно было перейти, да кочки были не так уж близко одна от другой. Ну, Антон, может, и перепрыгнет, он мальчишка, а вот Аля — та вряд ли.

— Как же нам быть, Аль? Тришка направил нас к этой самой...

— Дыдве, — подсказала Аля.

— Ну да, к Дыдве. Но тебе же не допрыгнуть. Может, я тебя перетащу?

Антоша попробовал поднять Алю.

— Уй, тяжеленная ты какая! Аль, ты вот что. Ты подожди меня здесь. Я быстро. Только никуда не уходи отсюда! Я сейчас сбегаю. Может, я все и разузнаю. А может, найду. И мы тогда быстренько вернемся с солдатиком.

Антон махнул Але рукой и, разбежавшись, прыгнул сначала на одну кочку, потом на другую, потом на третью, наконец, на четвертую — раз, два, три, четыре! — и скрылся в осиновой рощице.

Аля опустилась на траву, пригорюнилась, принялась терпеливо ждать.

Антон тем временем вышел на дорогу, которая бежала через осиновую рощу. Дорога была странная — точно земля была сначала морем, а потом так и застыла в одночасье — волнами, потому что дорога шла то вниз, то вверх. На опушке росли четыре высоченные осины. Их большие, с тарелку, листья, трепетали на ветру и шелестели, шелестели. Антону показалось, что они что-то шепчут. Он прислушался. Оказалось, они пели песенку:

Раз, два, три, четыре ветра

С четырех сторон,

Налетев, прогнали с веток

Четырех ворон.

Раз, два, три, четыре буквы

В этих семенах.

Значит, репу, а не брюкву

Будем есть на днях.

Антон не стал больше слушать эту чудную песенку, он стремился скорее повидать Дыдву — Четверку. Не успел он подойти к дому, как Четверка сама вышла на крыльцо. На ней был сомнительной чистоты передник, руки — все перепачканы мукой, на лице грустное, впрочем, даже и не грустное, а замученное выражение.

— Нет, — сказала она, — это все ужасно. Я просто не выношу детских

слез, но и печь пироги — освободите меня от этого, печь пироги я тоже не умею. Не умею, и все тут!

И Четверка при этом даже топнула ногой. Тут она увидела Антона.

— Ты не плачешь? — спросила она у него с подозрением.

— Нет, — удивился Антон. — Я не плачу.

— Ну, хоть этот не плачет, — облегченно вздохнула Четверка. — Ведь что же такое творится? — продолжала она взволнованно. — Ну, задача. Обыкновенная задача, — говорила Четверка, не давая Антону вставить ни словечка, хотя он уже несколько раз говорил «кхе», чтобы наконец спросить о солдатике. — Вот, послушай. «Мама дала Зине четыре пирожка, а Кирюше на один пирожок меньше». Это что ж за безобразие, я тебя спрашиваю?

— Какое безобразие? — не понял Антон.

— Четыре пирожка — это хорошо. Четыре — прекрасно число. Но ведь на один меньше — это, если подумать хорошенъко, будет три. Вот мальчик и расстраивается. Он хочет, чтоб у него тоже было столько же, сколько у сестры. То есть четыре. Он маленький, он плачет. А эта самая мама поделила пирожки и ушла на работу. И вот я пытаюсь испечь ему еще один пирожок, чтоб было поровну. И не умею. А мальчик все плачет и плачет. Ужас какой-то.

Тут Четверка повернулась на каблучках и, не обращая на него больше никакого внимания, точно он тоже вслед за Кирюшиной мамой ушел на работу, захлопнула за собой дверь. Антон сначала нажимал кнопку дверного звонка, потом дергал ручку, потом стучал. Никто ему не открыл, никто на крыльце больше не вышел.

Как ни жаль ему было возвращаться к Але ни с чем, а что поделаешь? Не ночевать же ему на крыльце у Дыдовы?! Антон проделал весь путь обратно через осиновую рощу, по болотным кочкам. Вот сейчас Аля узнает, что он ровно ничего не добился, и расстроится.

Но... на краю болота, где она должна была его ждать, никого не было.

А случилось вот что... Как только Антона не стало видно, Але сделалось очень грустно и даже как-то не по себе. Но вдруг до нее донеслись веселые звуки гармошки и песенка, которую распевал молодой задорный голос:

Лучше нету, чем прибавить,

Всем подарки подарить,
Рассмешить и позабавить,
Сделать, сладить, смастерить.
Дать воробышкам пшена,
Дать дождинкам имена,
Огонек — полену в печке,
Ну, а грядке — семена.

Кто-то шел со стороны четвертого ручья прямо к Але. Подошел, сложил и снова растянул свою гармошку и улыбнулся.

— Хочешь, я подарю тебе белую мышку? — спросил он у Али с ходу. Аля покачала головой.

— Может, дать тебе тыквенных семечек?
Снова качание головой.

— А дудочку из ивового прутика?
— Спасибо, не надо, — сказала Аля.

— Да ты не стесняйся, — сказал гармонист. — Я ведь Плюс. Я всегда всем все даю. Такой у меня характер. Вот братец Минус — тот отнимает. А я — прибавляю. Ведь если к двум конфетам прибавить еще одну конфету, так будет сразу три. А это вкуснее. Ведь если к трем песенкам прибавить еще одну, будет четыре, так это веселее. Если к двум тучкам прибавить две тучки, будет четыре, а это прохладнее в жаркий день, так?

Аля кивнула.

— А чего ты такая печальная?

Аля рассказала. Плюс задумался.

— Думаешь, Ноль его забрал? Что-то я не знаю.

— Говорят, — сказала Аля.

— Может, и он. Вот беда, некогда мне тебе помочь. Я за Пятеркой иду. Я ее заберу, и мы пойдем ко мне пить чай со сладким пирогом. У нас праздник.

— Какой?

— Двадцать девятое число.

— Что ж это за праздник?

— Один мальчик, Костя его зовут, однажды двадцать девятого числа получил по математике пятерку с плюсом. Вот тогда мы с Пятеркой очень подружились. И каждое двадцать девятое число отмечаем это событие. Вот только февраль нас иногда подводит... Слушай! — вдруг встрепенулся Плюс. Пятерка такая умная, недаром же это самая похвальная отметка. Пошли со мной. У нее наверняка по твоему делу родится какая-нибудь мысль. У нее всегда рождается мысль, а иногда целых две зараз.

— Я не могу отсюда уйти. Я жду своего друга Антона.

— Вот видишь, и у тебя есть свой плюс, — сказал Плюс обрадованно.

— Как это?

— А так. Хороший друг — это всегда плюс. А куда он девался?

— Он пошел к Дыдве.

— Ну, вряд ли она что знает. Она печет пирожки. Бежим! Мы сейчас вернемся!

И не успела Аля возразить, как он схватил ее за руку и, увлекая за собой, рысью помчался вдоль ручья.

Они быстро добежали до маленького домика с пятью чистенькими, блестящими на солнце окошками. Перед домиком росли пять елочек и пять молоденьких лип. На крылечке их уже кто-то поджидал.

Вдруг Плюс с разбега остановился. На крыльце стояла Тройка. Нет, не Алин знакомый Тришка, а какая-то незнакомая Тройка, у которой верх был не круглый, а, наоборот, ровная палочка.

— Тройка с Плюсом? — пробормотал Плюс. — Что же это за отметка? Неужели Костя стал троичником? Да нет. Ведь уроки в школе еще не начались.

— Слушай, Тройка, а где мой дружок Пятерка? Что тут происходит?

«Тройка» рассмеялась, взмахнула «палочкой», откинула ее назад и сделалась Пятеркой.

— Что? Напугала я тебя? — весело закричала Пятерка.

— Напугала, — признался Плюс. — Слушай-ка, — продолжал он. —

С семьдесят седьмой страницы из задачи похищен пехотинец. Вот эта девочка его ищет.

— Как зовут? — спросила Пятерка.

— Солдата?

— Нет, девочку.

Плюс поглядел на Алю.

— Аля, — сказала она.

— А какая задача? — спросила Пятерка.

— Не моя, — сказал Плюс. — Задача на вычитание.

— Так, может, это твоего братца Минуса дело? Что пропало? Вычитаемое?

— В том-то и дело, что нет. Солдатик-пехотинец принадлежал к уменьшаемому.

— Да. Плохое дело. Полный беспорядок. При таком беспорядке пятерки с плюсом никто никогда не получит.

Они поглядели на Алю и вдруг сообразили, что она ничего не поняла

из их разговора.

Добрая Пятерка тут же принялась ей объяснять.

— Вычитание — это когда надо отнять, понимаешь? — При этих словах она полезла в карман, пошарила в нем, вытащила и показала на ладони пять лесных орешков. — Видишь орешки? Их пять.

— Вижу, — подтвердила Аля. — Пять.

Пятерка протянула Але один орешек.

— Угощайся, — сказала она.

Аля послушно разгрызла орех и сжевала ядрышко.

— Видишь, осталось меньше — четыре. Ты один съела. Ты его как бы у меня отняла. Значит, пять было уменьшаемое, а один было вычитаемое, а четыре — это то, что осталось. А называется — разность. Ты поняла?

— Нет, — призналась Аля. — Я ничего не отнимала.

— Тогда — на, возьми себе разность; когда захочешь — сгрызешь, потому что орешки на самом деле очень вкусные. Отнимать — не мое дело, вот я и объясняю непонятно, — вздохнула Пятерка.

— Отнимать — это дело Минуса, — подхватил Плюс. — Но по закону отнимать он должен только вычитаемое, а не что попало.

— Послушай, а может этот фокус выкинул Ноль? Взял да и уволок солдатика. Он ведь вообще-то хороший, но иногда, знаешь, способен взять да и аннулировать, — высказала предположение Пятерка. — Погоди, погоди, у меня родилась мысль. Нет, стой, кажется, даже целых две...

Но Пятерка не успела высказать ни одной из своих мыслей, потому что на куст рядом с ними опустилась целая стая воробьев. Воробы отчаянно кричали:

— Чрезвычайно срочно! Чрезвычайно срочно! Скачите-бегите, возле черемухи Больше и Меньше опять дерутся! Выручайте, выручайте, а то они покалечат друг друга!

Пятерка и Плюс тут же кинулись бежать, и Але ничего не оставалось, как бежать следом.

На полянке под большой черемухой с криком налетали друг на друга два пестрых петуха. Они колотили друг друга своими крепкими клювами, а время от времени один орал: «Больше, я тебе говорю, что больше!», а другой вопил: «Меньше, ты меня не переспоришь, а не согласишься, так получай!»

— Что это? — В ужасе спросила Аля.

Пятерка, схватив стоявшую неподалеку чью-то лейку с водой, стала лить воду на дерущихся. Те, захлебываясь и фыркая, разлетелись в разные стороны. Пятерка, оторвав от черемухи веточку, старалась отогнать их подальше друг от друга. Плюс объяснял Але:

— Понимаешь, это знаки Больше и Меньше. У них клювы один против другого направлены, вот они как встречаются, так и дерутся.

Пятерка управившись с дракунами, вернулась и тоже включилась в объяснения.

— Вот посмотри, — сказала она.

Черемуховой веточкой она нарисовала на земле два значка и Потом снова вытащила из карманов несколько орешков.

— Вот тебе три орешка, — сказала она.

— Я еще те, которые «разность», не успела сгрязть, — сказала Аля.

— Это не важно, — ответила Пятерка. — Смотри. — Она разжала кулак. У меня на ладони четыре ореха. А у тебя — три. У кого больше?

— У тебя, — сказала Аля, не понимая пока, к чему та клонит.

— А у кого меньше?

— У меня, — сказала Аля.

— Так вот, — сказала Пятерка, — это мы и запишем с помощью знаков Больше и Меньше.

И она написала веточкой на земле:

4 больше 3

3 меньше 4

— То есть четыре больше трех, а три меньше четырех. Поняла? Ты теперь поняла?

— Кажется, — сказала Аля.

— Видишь, какие у них клювы? Клюв нацеливается на того, кто меньше.

Петухи к этому времени, совершенно успокоившись, разошлись в разные стороны и отправились каждый по своим делам.

— Мне нужно поскорее вернуться к четвертому ручью, — сказала Аля.

«Антон, наверно, уже там. Он будет меня искать», — подумала она.

— А как же все-таки будет с солдатиком? — спросила она у Плюса.

— Пятерка, куда ты девала свои мысли? У тебя же целых две родилось по этому поводу, — напомнил Плюс.

Пятерка замолчала, точно прислушиваясь.

— Нету, — сказала она, несколько смущившись. — Разбежались. Такой

шум был, они не любят шума.

— Тогда у меня есть мысль. Мы сейчас пойдем за Алиным плюсом... Я хочу сказать — другом.

— Его зовут Антон, — заметила Аля.

— За Антоном, — подхватил Плюс, — потом пойдем ко мне и все обсудим. У меня дома ждет пирог с вареньем. Сегодня ведь все-таки двадцать девятое число, не забывайте, что это праздник!

Они очень быстро оказались около четвертого ручья. Никакого Антона на берегу не было.

На берегу прохаживался кто-то и кувыркался.

— Шестерка! — крикнул Плюс.

Это была действительно Шестерка. Она делала несколько шагов по берегу, потом хлопала в ладоши, говорила: «Раз... и девять», переворачивалась, становилась на руки и тут же превращалась в Девятку.

— Она готовится к выступлениям по гимнастике, — сказала Пятерка. Тренируется. Шестерка — первоклассная гимнастка. Эй, Шестерка!

Шестерка еще раз перекувыркнулась, приняла свое нормальное «шестерочное» положение.

— А? Это ты, Пятерка? Как поживаешь?

— Слушай, ты не видела здесь мальчика?

— Какого?

Але вдруг пришло в голову, что она ни разу не задумывалась над тем, какой Антон. Ну, беленький такой, ну... просто он Антон, и все тут.

— Впрочем, я никакого не видела, — заметила Шестерка.

— Жаль, — вздохнул Плюс.

— Нет, постойте, постойте, когда я сюда пришла, Минус с кем-то шел.

— С кем? Куда?

— Кажется, в сторону Семеркиного дома. А с кем? Как я со спины узнаю, с кем?

Аля встревожилась. Странно, что Антон куда-то ушел. А как же она, Аля? А как же пехотинец? Он забыл про них, что ли?

— Мой братец Минус — существо весьма сомнительной доброты, — заметил Плюс. — Что-то мне в этом во всем не нравится. «Может, Ноль вовсе ни в чем и не виноват», — подумал он, но пока этого предположения вслух не высказал.

— Пошли к Семерке, узнаем, — предложила Пятерка.

— Дружочек мой Пятерка, — сказал Плюс, — а как же наш праздник? Ты забываешь, какое сегодня число!

— Я все прекрасно помню. Сегодня двадцать девятое. Но согласись,

что нехорошо не помочь девочке Але и мальчику Антону. Тем более что если в первом классе «Б» у ребят будут нелады с математикой из-за непорядков в учебнике, так это затрагивает и нашу честь! Ты так не думаешь?

— Ты права, Пятерка! Пошли к Семерке. Узнаем, куда девался мальчик, а там уж сходим к тебе и попьем чайку с праздничным пирогом. Пошли, Аля. И не падай духом, пожалуйста.

И все трое направились по песчаной тропке, которая, видимо, и вела к Семеркиному дому.

Тропа свернула в густой еловый лес. В лесу было душновато и пахло грибами. Некоторое время все шли молча. Вдруг Плюс остановился и прислушался.

— Ты что? — спросила Пятерка, а Аля посмотрела на него с тревогой.

— Нет, ничего. Мне показался какой-то шум, вроде хлопанья крыльев, и какой-то возглас. Но, видно, я ошибся.

Все трое минуточку постояли. Где-то на дереве тенькала синица, больше ничего не было слышно. Они направились дальше.

Вскоре тропинка вывела их на опушку. На опушке стоял зеленый домик с красной черепичной крышей. По стене вился дикий виноград. Семерка в саду возилась на клубничных грядках.

Увидев их, она тотчас оставила свою работу и бросилась к ним навстречу.

— Входите, входите, гости дорогие! — затараторила она. — Проходите на террасу, садитесь, я сейчас из погреба холодненького молочка принесу.

— Да не надо, Семь пятниц, мы на минуточку, только узнать... попытался остановить ее Плюс.

Но Семерка уже убежала. Але странным показалось, что Плюс назвал ее Семь пятниц. Она не успела спросить его почему, как Семерка тут же вернулась, но никакого молока не принесла.

— Я передумала. Что я вас держу на террасе, заходите в дом, располагайтесь, я сейчас самоварчик поставлю и угощу вас чайком. Заварю душистого, крепкого.

— Погоди, — сказала Пятерка. — Ты скажи нам только, не приходил ли сюда...

Но Семерка была уже далеко и не слышала.

— Почему вы зовете ее Семь пятниц? — спросила Аля.

— Я думаю, ты сама скоро поймешь, — улыбнулась Пятерка.

Тут опять вбежала Семерка.

— Я передумала! — закричала она. — Зачем это пить чай в духоте, в комнате, когда такая чудесная погода. От самовара будет только жарко, и никакого удовольствия никто не получит. Мы устроим пикник в саду под яблоней.

И Семерка опять умчалась.

— Пошли дружочки мои, — сказала Пятерка. — У меня родилась мысль и даже целых две. Первая — если бы Минус с Антоном сюда пришли, то они бы не выбрались отсюда так быстро: Семерка все бы меняла и меняла свои решения, а они бы ждали. И мы бы их тут непременно застали. А вторая — раз их тут и не было, значит, нам надо скорее уходить и искать Антона, потому что твой братец Минус, знаешь Плюс, может и какую-нибудь каверзу подстроить.

Когда они спустились с крылечка и уже подходили к калитке, к ним подбежала Семерка и воскликнула:

— Знаете я передумала...

— До свидания. Мы тоже передумали, Семь пятниц, — сказала Пятерка.

— Ну что же вы, я хотела угостить вас мороженым на скамеечке под липами!

— Какнибудь в другой раз! — махнул рукой Плюс.

«У нее семь пятниц на неделе, — подумала Аля. — Так почему ее так зовут.»

Они решили еще раз пойти на берег четвертого ручья. Может быть Антон туда уже сам вернулся.

В обратный путь они двинулись по той же песчаной тропинке, и когда она вела по густому ельнику, Плюс опять остановился и стал прислушиваться.

— Гогочут, — сказал он. — И крыльями машут. Что-то неладно. Постойте здесь. Я посмотрю — и тут же назад.

И Плюс мгновенно скрылся в еловой чаще.

А было так. Когда Антон вернулся от Четверки и не нашел Алю на берегу, он ужасно встревожился.

— Аля! Аль! Где ты? — позвал он.

Но никто ему не ответил. Вдруг, непонятно откуда, перед ним возник Минус.

— Здравствуйте, — сказал Минус. — Мы уже с вами где-то встречались. Я рад видеть вас снова.

Антон не стал ему напоминать, при каких обстоятельствах они встречались. Не очень-то эта история с Тришкиным кроликом говорила в пользу Минуса. К тому же свою радость он выражал каким-то противным голосом. Что именно было противно, Антон не мог бы сказать. Но — было, это точно.

— А я знаю в чем состоит ваша трудность. Вы потеряли солдатика? Правильно?

— Правильно, — подтвердил Антон. — И даже обрадовался. Может, сейчас что-нибудь выяснится.

— Ну так вот. Я знаю и еще кое-что.

Минус хитро посмотрел на Антона.

— Мне известно, — продолжал он, — что девочка исчезла.

— Где она? — спросил Антон.

— Там же где и солдатик, — сказал Минус.

— Так пошли туда скорее! — воскликнул Антон. — Алька хоть и не трусила, а все-таки девчонка!

— С удовольствием вас туда провожу, — сказал Минус. — И имейте в виду — я не отнимал солдатика. И более того — девочку тоже я у вас не отнимал. Есть тут некоторые, которые любят все аннулировать. Я бы серьезно обсудил этот вариант. Да-да. Я бы советовал поразмыслять.

Минус шагал в сторону елового леса. Антон старался от него не отставать, хотя идти за Минусом ему не хотелось. Однако не было другого выхода: вдруг то все-таки знает, где Аля и где солдатик.

Минус свернул с тропы, стал пробираться куда-то в самую глубь еловых зарослей.

— Куда мы идем? — спросил Антон. «Зачем бы Алька забралась в такие дебри? — думал он. — Что все это значит? Что-то тут не так. Но вот — что?»

Вдруг Минус остановился и крикнул:

— Ко мне гуси-лебеди, исполняйте, что обещали!

Послышался гогот, шум крыльев, и откуда-то из-за облаков опустилась целая гусиная стая. Гуси были как гуси, только не белые, не серые, а красные. Они окружили Антона плотным кольцом.

— Кыш! — закричал на них Антон. — Вы что?! Дайте пройти,

отстаньте от меня!

Но гуси только гоготали, вытягивали шеи, шипели на слова Антона не обращали внимания никакого внимания. Антон даже слегка начал бояться.

— Минус! — крикнул он. — Куда ты меня привел? Что за гуси? Где Аля?

— Где Аля — мне неизвестно. Это я просто так сказал, будто знаю. А вот где пехотинец — известно. Только я не скажу.

Антон от возмущения не нашелся что ответить. Это было предательство. И оно Антона обескуражило.

— Стеречь и не выпускать, — скомандовал Минус гусям. — За это обещаю вам, что будете спокойно пастьсь во всех тетрадках первого класса «Б».

Потом он повернулся и ушел.

Антон остался, замкнутый плотным гусиным кольцом. Положение было отчаянным. Антон приготовился закричать, что бы кого-нибудь позвать на помощь, и вдруг увидел, как отмахиваясь от колючих еловых лап, к нему продирается Некто.

— Эй, это ты — Антон? — спросил этот Некто.

— Я.

— А я Плюс.

— Я не могу справиться с гусями, — сказал Антон. — Их на меня наслал Минус.

— Ах вот оно что! — рассердился Плюс. — До чего же паршивый у меня братец, просто ужас! Ничего, сейчас я из этих гусей сумму сделаю.

И тут произошло чудо. Плюс начал гусей просто... складывать...

— Два гуся, — говорил он, — и два гуся — в сумме четыре...

И как только он произнес: «В сумме четыре», так сразу четыре Гуся превратились в Четверку и с криком: «Мальчик опять плачет!» — Четверка убежала.

А Плюс продолжал свою работу.

— Два плюс два да плюс два — будет шесть.

При этих словах целых шесть гусей превратились в Шестерку, и она быстренько, встав на руки и показав, что она может быть и Девяткой, тут же убежала на тренировку.

— Три, — продолжал Плюс, — да четыре — будет семь.

Тут же явилась Семерка и со словами: «Ах, нет, я передумала, лучше сыграем в прятки!» — ушла.

И так Плюс сложил всю стаю, и Антон оказался совершенно свободен. И все это было похоже на чудо или, может быть, на цирк.

— Вот видишь, какое великое дело найти сумму, — сказал он Антону. Антон посмотрел на него удивленно.

— Ах да, ты еще не учился в школе, — сообразил Плюс. — Я поясняю. Когда прибавляешь одно число к другому (а это, как ты уже понял, моя основная работа), такие действия называются сложением. А результат сложения — когда все собирается вместе — называется сумма.

«Почти что сумка, в которую все сложили», — подумал Антон.

— Ты Алю не встречал? — спросил он. — Девочка такая.

— Аля ждет тебя на тропинке, вот тут, совсем рядом.

— Что ж ты молчишь, про сумку объясняешь! — вспылил Антон.

— Не сумка, а сумма, — обиделся Плюс. — И еще я тебе не сказал, а это очень важно. То, что ты складываешь, называется слагаемое.

— Потом объяснишь. Пойдем к Але. Ведь солдатика еще надо найти, ты понимаешь?

Плюс засмеялся.

— Да найдем, найдем.

— Говорят, его мог забрать Ноль, — сказал Антон.

— Это мы еще посмотрим, — загадочно улыбнулся Плюс. — Вовсе уж Ноль не такой плохой. К чему бы ему забирать солдатика, да еще перед самым учебным годом. Может, он не виноват.

— Говорят, у него плохой характер, — заметил Антон.

— Не всегда плохой характер означает, что человек плохой, наставительно сказал Плюс.

Антону стало смешно. Какой же Ноль человек?!

«А впрочем, — подумал он, — в учебнике все цифры словно люди».

— Ну вот и пришли! — сказал Плюс.

И они точно вышли туда, где, напряженно прислушиваясь к тому, что происходит в еловой чаще, стояли Аля и Пятерка.

— Ну вот! Все вместе и душа на месте, — произнес свою любимую поговорку Плюс, высказывая из чащи на тропинку.

— Антошка! Как я перетрусила! Что с тобой было? — закричала Аля, бросаясь Антону навстречу.

— А куда ты девалась от ручья, я же быстро вернулся! — сказал Антон строго.

Но он был очень рад, что Аля нашлась. И еще — очень не хотел, чтобы Аля заметила, что и он немножко струхнул.

— Ну, теперь уж пошли все ко мне. Надо же, наконец, сладкого пирога попробовать и двадцать девятое число отпраздновать, — сказал Плюс.

Сегодня день какой-то. Никому ничего не удается дать, подарить или прибавить.

И они пошли по тропинке, теперь уже весело рассказывая друг другу о своих приключениях.

Но такой уж выдался день, это двадцать девятое августа, что попасть к Плюсу на праздничный пирог им и на этот раз не удалось.

На опушке елового леса кто-то, ссугулившись, сидел на пеньке.

Они подошли поближе, чтобы узнать, в чем дело.

— Что с тобой, Восьмерка? — спросила Пятерка участливо.

Это и в самом деле была Восьмерка. Возле пенька стояла плетеная из прутьев корзиночка. В ней лежали грибы.

— Ты что печальная? А? — тормозил ее Плюс.

Восьмерка хлюпнула носом и показала рукой на корзинку:

— Вот.

— Да что там? Хорошие грибы. Белые. Как на подбор.

— Посчитай, — сказала Восьмерка.

Плюс посчитал:

— Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь.

— Вот видишь, — сказала Восьмерка. — А мне надо восемь. Не могу же я так опозориться, что семь грибов домой принесу. Восьмерка я или не Восьмерка?

— А что, в лесу грибов, что ли, нет больше? — спросила Пятерка. Найти не можешь?

Восьмерка печально вздохнула.

— Ну, давай мы тебе поможем, вон нас сколько, живо найдем, продолжала утешать Пятерка.

— Да не в этом дело, — сказала Восьмерка. — Минус отнимает. Как только найду восьмой гриб, так он, откуда ни возьмись, — и отнимает.

— А ты не давай! — сказала Пятерка.

— Да где ж мне с ним справиться! Он вон какой — юркий. А я — толстая. Пока повернусь, а он уже уволок.

И Восьмерка опять вздохнула.

Аля и Антон глядели на эту сцену во все глаза. Подумать только, как это все в учебнике математики бывает, оказывается!

— Ну вот что, — сказала Пятерка. — У меня родилась мысль.

Перестань вздыхать, бери корзинку, и пошли. Сейчас найдем восьмой гриб. А то нам всем некогда.

— Да толку-то что, — сказала Восьмерка, — он опять отнимет.

— Ну уж нет, — сказал Плюс. — При мне он даже не покажется. Можешь быть спокойна.

Восьмой гриб они действительно нашли быстро. Пятерка нашла. Она положила его в корзину, и все быстрыми шагами двинулись по направлению к Восьмеркиному дому, чтобы проводить Восьмерку. Не бросать же ее одну. Того и гляди, откуда-нибудь выскочит Минус, и все начнется сначала.

Восьмерка повеселела. Она бодро шагала, гордо неся свою корзину с восемью белыми грибами. Она сочиняла на ходу шутливую песенку и пела ее во все горло:

Когда на свете есть друзья,
Беду мы легче переносим.
К тому ж, должна заметить я,
Как хорошо быть цифрой восемь
Я так мила и так кругла,
Я состою из двух кружочеков.
Как хорошо, что я нашла
Себе таких, как вы, дружочеков!
Теперь — шалишь! — попробуй, брат,
Руками голыми возьми нас!
Не страшен мне ни гром, ни град,
Ни даже злой и жадный Минус!

Так с песней они дошли до ее дома. Восьмерка пригласила их зайти, но они поблагодарили и отказались. Восьмерка ушла домой.

— В магазине бывает перерыв, — сказала Пятерка. — В театре бывает антракт. В школе бывает переменка. Еще где-то там бывает пауза. А мы, как тучи в небе, как волны в море, как механические игрушки, которые какой-то дурень все время заводит и заводит — не останавливаемся. Но что же это похоже? Я, наконец, хочу чаю в праздничный день. Не говоря уж о пироге с вареньем!

— Спасибо, но мы лучше пойдем искать солдатика, — сказал Антон.

— Все пойдут искать солдатика, — отрезал Плюс. — Но только сначала чай с пирогом. Или — пирог с чаем. Кто как хочет. Я, как Плюс, должен вас заверить, что от перемены мест слагаемых сумма не меняется. Удовольствие такое же.

Аля посмотрела на Антона. Антон — на Алю. Чай хотелось. Пирога

тоже. Но пехотинца-то ведь надо было найти. Просто необходимо!

Как всегда и во все на свете и на этот раз вмешались обстоятельства.

Обстоятельства явились в виде Девятки, которая теперь, после знакомства с Шестеркой, выглядела Шестеркой наоборот. Именно об этом и пошла речь.

— Послушай, Пятерка, — заговорила она взволнованно, даже забыв поздороваться, — ты умная! Послушай, Плюс, ты добрый! Дайте мне совет, как бороться с этим безобразием?! Это же все возмутительно, это обидно, наконец!

— Успокойся, Девятка. Расскажи, что случилось? — попытался урезонить ее Плюс.

— Шестерка безобразничает!

— Мы ее недавно встретили. Она вела себя вполне прилично, — заметила Пятерка. — Готовилась к соревнованиям...

— И ты называешь это «вести себя прилично»? Она становится вверх ногами и объявляет себя «Девяткой», и ты считаешь это приличным? Какая же она «Девятка», когда она ровно на целую тройку меньше меня? Ну, произведи же простое сложение, Плюс, ты это умеешь. И убедись.

— Действительно, — сказал Плюс. — Коротко это можно записать так: $3 + 6 \dots$ гм... будет-то оно, конечно, девять. Но где же у нас Знак Равенства? Я его сегодня целый день не вижу.

И в эту же минуту, прямо как в кино бывает, издали послышалась песенка:

Что когда чему равно,
Знать не каждому дано.
И не всем дано понять,
Что, когда и с чем равнять.
Но легко найти ответ:
То равно, а это — нет,
Знаю я ответ к задачке,
Только это мой секрет!

И перед ними, сделав еще два шага на месте, остановился Знак Равенства. Для краткости все его называли просто Будет. Потому что некоторые, когда считают, говорят: «равняется», некоторые — «получится», а иные — просто «просто».

Будет в два счета помог Плюсу записать как положено:

$$6 + 3 = 9$$

— Вот видишь! — закричала Девятка. — Я ее на целую тройку старше! А она что себе позволяет!

— Успокойся, Девятка, — сказала Пятерка. — Раз тебя это так обижает, мы попросим Шестерку быть поскромнее и не величать себя Девяткой... Успокоилась?

— Успокоилась, — тут же совсем миролюбиво отозвалась Девятка. Только пусть все-таки Шестерка поменьше ходит на руках и поменьше хвастает.

— А теперь все быстро — к самовару! — обратился ко всем сразу Плюс.

10

Но и на этот раз чаепитие сорвалось. Что-то невдалеке зашумело, зафыркало, и на дороге показался автомобиль.

— Гляди-ка, Ноль! — закричала Пятерка.

Плюс, рискуя жизнью, кинулся наперерез машине. Машина ехала, к счастью, очень медленно. Ноль тут же нажал на тормоз и вышел из машины. Он был толстенький, невысокий и очень добродушный на вид.

— Плюс, ты с ума сошел? — спросил он, протягивая руку и здороваясь со всеми по очереди. — Что-нибудь случилось? — добавил он озабоченно.

Ему никто не ответил.

«Нет, — подумал Антон, — совершенно непохоже на то, чтобы он мог так легкомысленно взять и стянуть пехотинца из задачи».

«И это — Ноль? — подумала Аля. — Тот, который уволок солдатика? Что-то непохоже».

— Что вы все так странно молчите? — допытывался Ноль.

— Ноль, — торжественно обратилась к нему, наконец решившись, Пятерка. — Ходят непроверенные слухи, что ты аннулировал солдатика из задачи на семьдесят седьмой странице. Вот, — она указала на Алю и Антона, — будущие ученики первого класса «Б» ищут его и очень расстраиваются.

Ноль посмотрел на Пятерку удивленно, перевел такой же удивленный взгляд на Алю и Антона и вдруг, поджав руки и ноги, стал колесом кататься по траве и хохотать, хохотать, захлебываясь и повизгивая.

Потом он поднялся, отряхнулся и спросил:

— Кто говорит?

И, не дождавшись ответа, опять покатился со смеху. Как следует прохочотавшись, Ноль опять встал на свои коротенькие толстенькие ножки и сказал:

— Ну, а теперь давайте говорить серьезно. Раз пропал солдатик из условия задачи, значит, это грозит беспорядком во всем учебнике. Значит, его надо искать. Кто же это такой глупый слух про меня распустил? Я люблю аннулировать — но только то, что должно быть аннулировано. Тогда я это умножаю на ноль. Но совсем не здесь, а в другом учебнике — для шестого класса.

— Кто-то из сестер-единичек сказал, что ты вез кого-то сегодня в машине, — Пятерка.

— И что этот кто-то был грустный! — добавил Плюс. — А грустным должен был оказаться тот, кому не хотелось ехать в твоей машине. Верно?

— Верно, — подтвердил Ноль. — Но при чем тут солдатик?

— А кто же это был? — спросила Пятерка.

— Дыдва.

— А почему же она была грустная?

— Да ее утром возил к зубному врачу. Ты когда-нибудь видела, чтобы кто-нибудь веселился, когда его ведут к зубному врачу? Лично я не видал!

Все посмотрели друг друга, чувствуя себя довольно глупо.

— Я так и знал, что Ноль не виноват!

— Где же искать солдатика?

Плюс хлопнул себя по лбу:

— Ах, какой же я дуралей! Как же я не сообразил сразу? Для того Минус на Антона двоек наслал, чтобы отвлечь всех от поисков, чтобы все начали Антона искать, чтобы всех отвлечь и переключить!

— И ты хочешь сказать... — начала было Пятерка, но Плюс ее перебил:

— Конечно, Минус. Он за лето, что не было занятий, так разболтался, что стал отнимать что надо и не надо. С этим пора покончить!

— А где он живет? — спросил Антон.

— Кто помнит, где он живет? — спросил Ноль. — Я что-то забывчив стал. Плюс — он тебе брат как-никак, ты-то хоть знаешь, где он живет?

— Приходится помнить, — сказал Плюс. — За высокой оградой посреди сада крошечный домок, а на нем большой замок.

— Вот так адрес! — заметила Аля.

— Садитесь все в машину, и поехали, — пригласил всех Ноль.

— Разве мы все поместимся? — спросил Антон. — В машине всем не хватит места.

— Хватит, — сказал Ноль. — Это особенная машина. В нее помещаются все, к кому ее хозяин хорошо относится.

— А к кому плохо? — полюбопытствовал Антон. — Те не

помещаются?

— Не помещаются, — сокрушенно вздохнул Ноль.

Потом он лукаво улыбнулся и добавил:

— Потому что их нет!

Тут все, включая Девятку, уселись в машину. Ноль сел за руль, включил зажигание, и машина рванулась с места.

11

Забор был покрашен в белый цвет. Он был такой высоченный, что через него невозможно было заглянуть. Калитка в заборе с трудом отыскалась. Она была заперта. Плюс нажал на кнопку звонка. Звонок прозвенел, но к калитке никто не подошел.

— Может, его дома нет? — высказал предположение Девятка.

Вдруг из-за забора донеслись звуки беседы.

— Ну, ты только покажи, как надо, и все, и я тебя отведу на место, говорил Минус.

Чей-то незнакомый голос возражал:

— Солдат прежде всего должен знать дисциплину.

— Ну, ладно, — говорил Минус. — Ты только покажи мне, как ходят строевым шагом. Это так красиво. А я не умею. Ну, научи!

— Не хочу, — возражал голос. — Я из-за тебя дисциплину нарушаю. Через два дня занятия в школе начинаются, а ты что? Обманул меня, научился под моего командира голос подделывать, заставил обманом покинуть казарму, то есть задачу. Я же, получается, самовольно отлучился. Это, по-твоему, порядок?

— Непорядок, — отвечал Минус. — Но мне так хочется уметь ходить строевым шагом! Я ведь для тебя старался. Грибами тебя угощал. Кролика хотел тебе принести.

— Минус! — закричал Ноль. — Сейчас же отопри калитку!

— Меня нет дома, я в гостях у Пятерки, — ответил Минус и калитку не отпер.

— Как не стыдно выдумывать, Минус! — крикнула Пятерка. — Я же тут возле твоего забора.

За забором послышался какой-то шорох, потом ключ в замке что-то прочирикал, и калитка открылась.

— А, это вы? — сказал Минус безразличным тоном. — Что, будет общее собрание по случаю нового учебного года? Я повестку не получал...

— Перестань, — прервал его Ноль.

— Ах, какие славные ребята пришли ко мне в гости, — выкручивался Минус, сделав вид, что и Аллю и Антона он видит в первый раз. — Это что ученики первого класса?

— Минус! — строго сказал Плюс. — Или ты сейчас же вернешь солдатика, или мы тебя переселим в какую-нибудь очень скучную книжку без картинок и заставим там работать обыкновенным Тире.

— Нет, нет, не надо, пожалуйста! — испугался Минус.

— Ты вообще последнее время ведешь себя недостойно, — сказала Пятерка. — Ты наладился отнимать что захочешь, у кого захочешь. Это же безобразие!

— Тебе что положено отнимать? — грозно спросил Ноль.

— Вычитаемое, — сказал Минус.

— А ты? Как ты себя повел?

— Но ведь вычитаемое в этой задаче — барабанщик. А я так хотел, чтобы настоящий пехотинец научил меня шагать строевым шагом. Я думал...

— Что ты думал? — еще суровее спросил Ноль.

— Я думал, меня когда-нибудь, может быть, тоже пригласят на парад...

— Его положительно надо превратить в Тире, — фыркнуть Ноль.

— Нет, нет, пожалуйста, не надо! — запричитал Минус.

— Ты обещаешь исправится? — спросил его Плюс строго. — Иначе ты всему первому классу «Б» испортишь учебу.

— Я прошу у вас всех прощения, — сказал Минус. — Я понял. Я был не прав. В математике нельзя так самовольничать. Извините меня.

— Где солдатик? — спросил Ноль, все еще сердясь.

— Я его спрятал в крыжовнике. Я думал, вы там искать ни за что не будете. Он колючий. Не солдат, конечно, а крыжовник.

Минус вывел пехотинца, тот отдал всем честь и тут же стал проситься, чтоб его отпустили.

— Мне надо срочно вернуться! — сказал он.

Ему никто не успел ответить, потому что калитка распахнулась и в нее влетела Единица.

— Наконец-то я вас догнала, — говорила она, задыхаясь от быстрого бега. — Мне было так неловко. Я заподозрила, что солдатика забрал Ноль. А потом подумала и поняла: нет, Ноль так никогда не поступит. Мало ли что он умеет аннулировать в тех случаях, когда это необходимо. И что мне вступило в голову? Простите меня, Ноль!

— Да ладно уж, — сказал Ноль примирительно. — А тебе не стыдно,

Минус?

— Я так больше никогда не поступлю, — угрюмо сказал Минус.

— Успокойся, Единица, — сказал Ноль. — Пожмем друг другу руки и помиримся. Нам ведь много придется с тобой работать в паре.

Аля не поняла, что Ноль имел в виду. Единица и Ноль подошли друг к другу, и рукопожатие состоялось. Тут Алю осенило: вместе они были цифрой Десять, а Десять — это ведь очень важная цифра!

— Пожалуйста, поскорее покажите мне, как вернуться на семьдесят седьмую страницу! — попросил пехотинец.

— За чем же дело стало?! Я тебя сейчас отвезу на машине!

— А как же чай с пирогом, или пирог с чаем, что практически одно и то же? — спросил Плюс.

— Как-нибудь в другой раз, Плюс, — сказал Ноль. — Вас я тоже захвачу, — обратился он к Але и Антону.

Все друг с другом сердечно простились. Минус снова попросил прощения и обещал вести себя примерно.

— Я приду к вам в тетрадки и в дневники! — обещала Пятерка. Остерегайтесь двоек по двадцать девятым числам, потому что двадцать девятого я бываю занята!

Плюс и Девятка махали им на прощание.

Машина мгновенно доставила всех на семьдесят седьмую страницу. Там шла перекличка. Пехотинец как раз, секунда в секунду, успел встать в строй на свое место.

...Когда мама вернулась домой, она застала Алю с учебником математики в руках.

— Умница, доченька, — сказала мама. — Будешь у меня отличницей!

Тут зазвонил телефон.

— Антоша? — спросила мама. — Вы уже вернулись с дачи? Скажи своей маме, что я к ней вечерком зайду. Тебе Алю позвать? Александра, тебя Антон — к телефону.

Мама теперь часто называла Алю полным именем. Чтоб она привыкла к тому, что так ее будут называть в школе.

— Да? — сказала Аля.

Ее вдруг охватили сомнения: не приснились ли ей все их приключения в учебнике математики. Она ждала, что скажет Антон.

— Аль, будем рассказывать или нет? — спросил Антон. — Я боюсь, засмеют и не поверят.

— А пусть, — сказала Аля.

— Я думаю, кто умный, тот поверит, правда, Аль? — сказал Антон.

Аля с ним согласилась.